

18+

Амалия Александровна
Цейлонская

Клинок и волна

Два капитана. Две карты. Одно сокровище



Амалия Цейлонская

**Клинок и волна. Два капитана.
Две карты. Одно сокровище**

«Издательские решения»

Цейлонская А. А.

Клинок и волна. Два капитана. Две карты. Одно сокровище /
А. А. Цейлонская — «Издательские решения»,

1692 год, Карибское море. Остров Моргана Чёрного Клинка ждет. Он забирает тех, кто приходит один. Но если придут двое — равных и честных друг с другом — они смогут войти и выйти живыми. Два капитана, две половины карты и сокровище, ради которого стоит рискнуть всем. Но что, если настоящее сокровище — не золото?

Содержание

Гавань, где не спят	6
Корабли с запахом пороха	17
Остров, который ждет	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клинок и волна Два капитана. Две карты. Одно сокровище

Амалия Александровна Цейлонская

© Амалия Александровна Цейлонская, 2026

ISBN 978-5-0070-5471-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гавань, где не спят

Сто лет назад в Карибском море ходил пират, которого боялись от Ямайки до Тортуги. Звали его Морган Чёрный Клинок. Не тот Морган, что стал губернатором, — другой, более древний, более жестокий и куда более одинокий.

За десять лет он ограбил пятьдесят галеонов, сжёг три города и утопил эскадру, посланную за его головой. Золота у него накопилось столько, что для подсчёта требовались не весы, а трюмы целого флота. Но слава не грела его по ночам. Друзей он предал, брата убил собственной рукой, жену бросил умирать на пустынном берегу, а верного помощника скормил акулам.

Когда пришла его смерть — не от пули, не от клинка, а от старости, которую он презирал, — Морган понял: всё золото мира не стоит того, чтобы умереть в одиночестве. Он велел отвезти свой корабль и всё сокровище на остров, который знал только он. Там, в глубине пещеры, он спрятал награбленное и наложил проклятие: тот, кто придёт за сокровищем один, никогда не вернётся. Остров сожрёт его, сделает частью скал, превратит в коралл. Но если придут двое — равных и честных друг с другом — они смогут войти и выйти живыми.

Карту острова он разорвал на две части и отдал двум капитанам, которые помогли ему в последнем плавании. Одному — англичанину, второму — испанцу. «Передавайте это своим детям, — сказал он. — И когда двое из вашего рода встретятся, пусть идут вместе. Золото будет их. А если пойдут поодиночке — пусть знают: смерть ждёт их на этом берегу».

С тех пор минул век. Карты передавались из рук в руки, но наследники потеряли друг друга. Легенду знали все пираты Карибского моря, но никто не верил до конца. Одни говорили, что Морган выдумал проклятие, чтобы сокровище никто не трогал. Другие клялись, что видели корабли, которые шли к тому острову и исчезали навсегда.

Но карты всё равно искали. Потому что сокровище Моргана Чёрного Клинка — это не просто золото. Это — сам Клинок, чёрный меч из метеоритного железа, дающий владельцу силу и удачу в бою.

Клинок ждал. И карты ждали.

Порт-Ройял, Ямайка, июнь 1692 года

Воздух в Порт-Ройяле пахнет так, будто кто-то смешал в одной бочке ром, пот, солёную рыбу и жареное мясо, а потом оставил эту бочку гнить на июньском солнце. Здесь никогда не бывает прохладно. Даже в самые тёмные часы перед рассветом влажность липнет к коже, как вторая шкура, а москиты звенят над ухом с настойчивостью, от которой хочется уйти обратно в море.

Твёрд Торн стоял на корме своего «Морского Ястреба» и смотрел на город, который считали самым разбойным местом на свете. Стоило признать — звание было заслуженным. Прямо сейчас, в трёх кварталах от пирса, в таверне «Кровавая Мэри» кто-то громко пел песню о том, как он ограбил испанский галеон. В двух кварталах — кто-то спорил о том, сколько стоит

мешок кукурузы. А на главной площади торговка с тележкой продавала пирожки с рыбой, и запах жареного теста перебивал даже запах моря.

Твёрд не любил Порт-Ройял. Слишком шумно, слишком жарко, слишком много людей, которые говорят слишком много слов. В Исландии, откуда он был родом, люди умели молчать. Но сам Твёрд молчалником не был. Он любил поговорить, особенно если разговор был о том, что ему интересно: о кораблях, о ветрах, о дальних берегах. И он любил спорить. Особенно когда был уверен в своей правоте.

— Капитан, — раздался голос сзади. Гуннар, его старший помощник, поднялся на корму, держа в руках две кружки. — Принёс вам ром. Местные говорят, этот сорт сам губернатор пьёт.

— Губернатору платят за то, чтобы он пил плохой ром и называл его хорошим, — сказал Твёрд, принимая кружку. Он сделал глоток, поморщился и поставил кружку на фальшборт. — Что по деньгам?

Гуннар поморщился. Он был невысоким, коренастым исландцем с лицом, изрезанным шрамами от ледяной корки — в молодости он ходил на промысел в Северном море, где вода замерзала прямо на снастях.

— Торговец сказал, что золота у нас пока на треть выкупа.

— А когда будет на полный?

— Если повезёт и мы возьмём хороший приз в этом месяце — через полгода.

— У нас нет полгода, — сказал Твёрд.

Он знал это лучше любого. Шестеро его людей сидели в тюрьме Форт-Чарльза уже четвёртый месяц. Их обвинили в пиратстве, хотя на самом деле они просто защищали своё судно от английских каперов, которые решили, что исландская рыба — это законная добыча. Суд был скорым, приговор — виселица. Исполнение отложили на год, давая возможность собрать выкуп. Но сумма была огромной. Твёрд продал всё, что мог: старый дом в Исландии, инструменты, даже материн сундук с серебром. Но выкуп рос. Английский губернатор, узнав, что исландцы платят, каждый месяц увеличивал цену.

— Я слышал ещё кое-что, — сказал Гуннар, понижая голос. — В порту говорят, что у кого-то есть карта Моргана. Английская половина.

Тверд медленно повернулся к нему.

— Откуда?

— Старый картограф, тот, что в «Пьяном Лоцмане» сидит, трепался с матросами. Сказал, что на северном пирсе стоит шхуна, и у капитана — половина карты Чёрного Клинка.

— У меня уже есть половина, — сказал Тверд. — Норвежец отдал.

— Я помню. — Гуннар почесал шрам на щеке. — Если слух правдивый и у этого капитана вторая половина...

— Если слух правдивый, — перебил Твёрд, — то я завтра же пойду к нему и предложу сделку.

— А если он не захочет?

Твёрд посмотрел на тёмную воду, которая лизала борта его корабля.

— Захочет. У него нет выбора. Как и у меня.

Он не умел уговаривать. Он умел убеждать. Исландия научила его одному: если тебе нужно пройти через шторм — не жди, пока шторм закончится. Иди. Или ты пройдёшь, или волны сожрут тебя. Третьего не дано.

— Капитан, — Гуннар помялся, — может, мне самому сходить? Разнюхать, что за капитан, чего хочет...

— Нет. — Твёрд отпил ром. Ром был плохим, но он хотя бы обжигал горло. — Я сам пойду. Завтра. Сначала посмотрю, потом буду говорить.

Гуннар кивнул и ушёл на бак, где команда чинила такелаж. Твёрд остался один. Он поставил кружку на фальшборт, достал из-за пазухи кожаный мешочек, развязал тесёмки и вынул пергамент.

Половина карты. Старая, потрёпанная, с краями, обгоревшими на свечах, которыми норвежец освещал её в долгие ночные бдения. Норвежца звали Эрик Стурлусон. Он служил у Моргана Чёрного Клинка в последние годы жизни старого пирата, был его штурманом. Твёрд нашёл его на берегу в Картахене — больного, исхудавшего, лежащего в гряде водорослей.

— Держи, — сказал Эрик, протягивая мешочек. — Это половина. Я нёс её сорок лет. Не нашёл вторую.

— Где искать? — спросил Твёрд, принимая карту.

— Не знаю. — Старик закашлялся. — Но не ходи один. Слышишь? Не ходи один. Морган говорил, что остров не пускает обратно тех, кто приходит один. Я не знаю, правда это или нет, но проверять не советую.

Он умер через три дня. Твёрд похоронил его на берегу, под пальмой, лицом к морю, как и положено хоронить старого моряка.

С тех пор прошло два года. Твёрд искал вторую половину, но безуспешно. Он уже начал думать, что Эрику просто померещилось перед смертью, что никакой карты не существует, а пергамент, который он носит за пазухой, — не больше чем старая рыбацкая сказка, начерченная на коже.

А теперь — слух. Слух, который стоил того, чтобы его проверить.

Он убрал карту, взял кружку и допил ром до дна.

— Завтра, — сказал он тихо, обращаясь к тёмной воде. — Завтра всё решится.

На рассвете Порт-Ройял выглядел почти прилично. Солнце только-только показалось из-за холмов, окрасив небо в розовый цвет, и город ещё не успел проснуться, чтобы начать шуметь. Грузчики не спорили, таверны не пели, даже торговка с пирожками ещё не выкатила свою тележку.

Твёрд сошёл на берег, когда первые лучи солнца лизнули верхушки мачт. Он надел чистую рубаху, пристегнул саблю и на всякий случай сунул за пояс пистолет — в Порт-Ройяле без оружия ходили только дураки, а он дураком не был.

Он двинулся к северному пирсу, туда, где, по словам Гуннара, стояла шхуна с загадочным капитаном. Пирс был узким, заставленным ящиками и бочками, которые никто не удосужился убрать. Между ними сновали крысы — жирные, наглые, не боящиеся ни людей, ни собак.

Шхуна стояла у самого края. Твёрд остановился в тени склада и принялся изучать её.

«Южная Звезда» — прочитал он название на корме. Судно было небольшим, но ладным: обводы быстрые, осадка лёгкая, паруса — новые, такелаж — в порядке. На борту — две пушки, малого калибра, но ухоженные. Флаг — чёрный, с серебряной звездой. Команды на палубе не было. Только на баке спал, свернувшись калачиком, матрос в грязной рубахе, положив голову на мешок с провизией.

Твёрд ждал. Он умел ждать. Исландия научила его терпению: если хочешь поймать рыбу — сиди тихо, не дёргайся, смотри на воду.

Он простоял в тени склада полчаса. Ничего не происходило. Матрос на баке посапывал, крысы шуршали в ящиках, солнце поднималось выше и начинало припекать.

А потом на пирсе появилась женщина.

Она шла быстро, уверенно, не глядя по сторонам. На ней был мужской камзол, тёмный, почти чёрный, сапоги выше колена, шляпа с пером, надвинутая на глаза. Оружия было два: сабля на поясе и пистолет за поясом. Длинные чёрные волосы выбивались из-под шляпы и падали на плечи.

Твёрд следил за ней взглядом. Она не походила на портовых женщин — те ходят медленно, оглядываются. Не походила на торговку — у тех всегда при себе корзина или мешок. Не походила на жену плантатора — те в такую рань не выходят.

Она подошла к «Южной Звезде», легко перепрыгнула через фальшборт и приземлилась на палубу. Матрос на баке даже не пошевелился.

Женщина сняла шляпу, бросила её на сундук, подошла к спящему матросу и пнула его сапогом.

— Рик, подъём.

Голос у неё был низкий, с хрипотцой, но отчётливый.

Матрос зашевелился, открыл глаза, увидел её и вскочил так быстро, будто его ошпарили.

— Капитан! Я не спал, я... думал.

— Думал? — Женщина усмехнулась. — Ты думал, когда я велела тебе сменить трос на корме?

— Я... сейчас...

— Уже. — Она махнула рукой. — Иди, смени. И чтобы через час всё блестело.

— Есть, капитан!

Матрос умчался в кормовую часть. Женщина осталась на палубе одна. Она потянулась, разминая плечи, и повернулась лицом к пирсу.

Твёрд увидел её лицо. Острые скулы, полные губы, и глаза — зелёные, живые, с прищуром человека, который привык оценивать обстановку и не доверять первому впечатлению. В них не было той холодной пустоты, которую он часто видел у старых капитанов, чьи глаза выело солёным ветром и бессонницей. В них было что-то тёплое, но сдержанное — как у человека, который умеет радоваться жизни, но не показывает этого первому встречному.

Она была красива той естественной красотой, которая не нуждается в том, чтобы её замечали. И когда она смотрела на мир, казалось, что она видит в нём больше, чем говорит.

Твёрд вышел из тени склада и направился к шхуне. Прошёл по пирсу, не торопясь, чтобы она успела его заметить. Она заметила. Повернулась, оперлась рукой на фальшборт, смотрела на него спокойно, оценивающе, как смотрят на то, что ещё не определили как угрозу или как возможность.

Твёрд остановился у трапа.

— Могу я видеть капитана? — спросил он, сняв шляпу в знак вежливости, но не кланяясь — он был капитаном и перед другими капитанами не кланялся.

— Вы его видите, — ответила она.

Голос — тот же, что и раньше. Низкий, с хрипотцой, но теперь Твёрд расслышал в нём ещё и лёгкую насмешку — не злую, скорее проверочную, как у человека, который хочет понять, с кем имеет дело.

— Капитан Хок? — уточнил он.

— Он самый. — Она не улыбнулась, но в уголках её губ что-то дрогнуло. — А вы, собственно, кто?

— Твёрд Торн. Капитан шхуны «Морской Ястреб».

— Слышала, — сказала она. — Исландец. Спасаете своих людей из тюрьмы.

— Спасая, — подтвердил Тверд. — А вы, как я слышал, ищете золото.

Она подняла бровь. Зелёные глаза сузились.

— Слухи в этом городе расходятся быстро.

— Быстрее, чем я хотел бы, — признал Твёрд. — Но я здесь не слухи обсуждать. У меня есть предложение.

— Какое?

— У вас есть то, что нужно мне. У меня есть то, что нужно вам.

Она скрестила руки на груди, не торопясь отвечать.

— И что же это?

— Карта Моргана. Вторая половина.

Молчание. Она не отвела взгляда, не дрогнула, не изменилась в лице. Только её пальцы, лежащие на фальшборте, чуть сжались. Едва заметно. Но Тверд заметил.

— Откуда вы знаете, что она у меня? — спросила она.

— Слухи.

— Слухи, — повторила она. Усмехнулась — коротко, без лишних эмоций. — В этом городе слухи стоят дешевле, чем кружка рома. И так же часто бывают пустыми.

— Этот слух не пустой, — сказал Твёрд. — Иначе вы бы не стояли здесь. Вы пришли в Порт-Ройял за тем же, за чем и я. Вы ищете вторую половину. Она у меня.

Она смотрела на него долго. Так долго, что Тверд успел подумать: сейчас она скажет, что никакой карты у неё нет, что я перепутал шхуну. Но в её глазах не было ни страха, ни желания солгать — только холодный расчёт.

— И что вы предлагаете? — спросила она наконец.

— Сделку. Моя карта и ваша вместе ведут к сокровищу. Золото пополам.

— Пополам? — Она усмехнулась, и в этой усмешке прозвучало что-то хищное. — Вы щедры, капитан Торн. Но я не торгуюсь на базаре. Золото моё. Я нашла карту первой.

— Вы нашли половину, — возразил Твёрд. — Вторую половину нашёл я. И без неё ваша карта — просто кусок пергамента. Так что пополам. Или сделки не будет.

Она соскочила с фальшборта и подошла к трапу, встала так, что их разделяла только деревянная перекладка.

— Слушайте меня, исландец, — сказала она, и её голос стал твёрже. — Я хожу в этих водах восемь лет. Я знаю каждый риф, каждое течение, каждую бухту. Вы без меня даже не найдёте этот остров, даже с картой. Так что не надо мне рассказывать, что вы — мой единственный шанс. Это я — ваш единственный шанс.

— Восемь лет, говорите? — Твёрд не отступил. — А я хожу пятнадцать. И я не привык, чтобы мне указывали, как делить добычу. Моя команда — шестеро человек в тюрьме. Им нужен выкуп. Им нужно золото. Я не отдам им половину того, что принадлежит им по праву.

— По праву? — Она чуть прищурилась. — Какое право у вас на сокровище Моргана? Вы что, его наследник? Или вы сам Морган, воскресший из мёртвых?

— Такое же право, как у вас, — ответил Твёрд. — Карта. И люди, которые ждут. Вы ищете золото, чтобы купить свободу. Я ищу золото, чтобы спасти тех, кто мне дорог. Мы оба не собираемся уступать. Но если мы не договоримся, никто ничего не получит.

Она открыла рот, чтобы ответить, но передумала. Вместо этого она провела рукой по волосам, откидывая их назад, и глубоко вздохнула.

— Знаете что, капитан Торн, — сказала она уже спокойнее, — давайте не будем спорить на пирсе, как базарные торговки. Поднимайтесь, посмотрим, что у вас есть.

— После вас, — сказал Твёрд.

Она усмехнулась, развернулась и пошла в каюту. Твёрд поднялся следом.

Кабюта капитана Хок была небольшой, но ухоженной. Карты на столе, приборы в порядке, на полке — книги. Твёрд заметил, что среди них были и навигационные справочники, и старые дневники, и даже томик стихов на испанском.

— Садитесь, — сказала она, кивнув на сундук. Сама села напротив, за стол, и её лицо приняло деловое выражение. — Показывайте свою карту.

— Сначала вашу.

— Не доверяете?

— В Порт-Ройале доверяют только мёртвым, — сказал Твёрд. — И то не всегда.

Она усмехнулась — коротко, без обиды.

— Справедливо.

Она достала из-за пазухи кожаный мешочек, вынула пергамент, положила на стол. Твёрд сделал то же самое.

Они лежали рядом. Два куска старой кожи, покрытые линиями, символами, пометками. Твёрд провёл пальцем по краю своей карты, потом по краю её. Линии не сходились.

— Смотрите, — сказал он.

Он взял свою половину и подвинул её к её. Край к краю. Линии встретились — и в этот момент пергаменты начали светиться.

Слабое золотистое свечение прошло по линиям, как вода по сухому руслу после дождя. Твёрд отнял руку. Искра тоже отодвинулась, но быстро взяла себя в руки — она наклонилась, разглядывая светящиеся линии, и в её глазах мелькнул живой интерес, который она тут же спрятала за деловой маской.

Свечение перетекало с одного пергамента на другой, соединяло разорванные линии, заполняло пробелы. Через минуту перед ними лежала целая карта.

Остров. Бухта. Рифы. Тропа. Пещера. И в центре — надпись, сделанная рукой Моргана Чёрного Клинка: «Здесь кончается жадность и начинается покой».

— Покой, — сказала Искра, разглядывая надпись. — Морган явно не знал, что такое покой. Судя по тому, что о нём рассказывают, он всю жизнь гнался за золотом и сжёг пол-Карибского моря.

— Может быть, поэтому он и написал это в конце, — заметил Твёрд. — Потому что понял, чего ему не хватало.

Она подняла глаза.

— Вы верите в это? В проклятие?

— Не знаю. — Он посмотрел на карту. — Но я не хочу проверять на себе. А вы?

— Я верю в золото, — ответила она. — Проклятиями пугают детей.

— И моряков, которые ходят в одиночку.

— Вы суеверны?

— Я осторожен. Это разные вещи.

Она смотрела на карту, на линии, на остров, который ждал их где-то в море. В её глазах читался холодный расчёт — она просчитывала риски, выгоды, варианты.

— Итак, — сказала она, откидываясь на спинку стула. — Половина. Вы упёрлись, я это ценю, но половина — это слишком много. Моя команда меньше вашей, но я им обещала долю. Если я отдам половину вам, им почти ничего не останется.

— А моя команда в тюрьме, — напомнил Твёрд. — Им нужен выкуп. Им нужно всё, что я могу добыть. Если я принесу им мало, они умрут на виселице. Так что давайте не будем играть в сердобольность.

— Сердобольность? — Искра подавалась вперёд. — Это вы мне говорите о сердобольности? Я в море восемь лет, капитан Торн. Я видела, как люди умирают за золото, как предаются за золото, как продают за золото тех, кто им дорог. Не надо меня учить, что такое цена.

— А я не учу, — ответил Твёрд. — Я просто говорю: мои люди — моя цена. Ваши — ваша. Но золото одно. И делить его придётся.

Они смотрели друг на друга. В каюте было тихо, слышно было, как за бортом плещется вода, как где-то вдалеке кричат чайки.

— Слушайте, — сказала Искра, подаваясь вперёд. — Давайте договоримся так. Мы идём на остров. Находим сокровище. Вы берёте ровно столько, сколько нужно для выкупа. Остальное — моё.

— Нет. — Твёрд покачал головой. — А если выкупа потребуется больше, чем я думаю? А если на острове окажется меньше золота, чем мы рассчитываем? Я должен быть уверен, что мои люди будут спасены.

— А я должна быть уверена, что мои люди получают своё.

— Тогда половина, — повторил Твёрд. — И точка. Я не торгуюсь, когда речь идёт о жизни.

Искра сжала губы. Её пальцы барабанили по столу — быстро, нервно. Твёрд не двигался. Он ждал.

— Вы упрямый, капитан Торн, — сказала она.

— Я исландец.

— Исландцы упрямые?

— Да. И ещё мы не бросаем своих. А вы?

— Я тоже не бросаю, — ответила она. — Поэтому я здесь. И поэтому я соглашаюсь на половину, хотя должна была бы спорить дольше.

— Так спорьте, — усмехнулся Твёрд. — Я не против.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Нет, — сказала она. — Спорить с вами дольше — значит, потерять время. А время — это тоже золото. — Она протянула руку. — Половина. Но Клинок ваш. И если вы когда-нибудь решите его продать — я имею право первой покупки.

— Идёт.

Он пожал её руку. Ладонь у неё была тёплая, пальцы крепкие, рукопожатие — уверенное, без кокетства.

— Идём на моём корабле, — сказала она.

— Нет. — Твёрд покачал головой. — «Морской Ястреб» надёжнее в шторм. Я знаю свой корабль.

— А я знаю эти воды. — Она подалась вперёд. — Я хожу здесь восемь лет. Я знаю проход между рифами, знаю, где течение меняется, где ветер лжёт, а где говорит правду. И я не хочу разбиться из-за того, что исландский капитан решил, что его старая посудина крепче, чем моя.

— Старая посудина? — Твёрд поднял бровь. — «Морской Ястреб» прошёл через три урагана и два сражения. Ваша «Южная Звезда», если я правильно помню, была построена три года назад. Красивая, но не обкатанная.

— Моя шхуна прошла через испанский конвой у побережья Кубы, — парировала Искра. — И вышла без единой пробоины. А ваша «старая посудина», как вы её называете, — она улыбнулась, — в прошлом году, говорят, чуть не утонула у Багам, потому что у вас прохудилась обшивка.

— Откуда вы... — начал Твёрд, но она его перебила.

— В Порт-Ройяле секретов не бывает, капитан Торн. Вы сами это сказали.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте так. Идём на моём корабле. Но когда дойдём до острова, вы ведёте. Я не настолько глуп, чтобы лезть в воды, которых не знаю.

Искра подняла бровь.

— Компромисс? От исландца? Я не ожидала.

— Я умею идти на уступки, — сказал Твёрд. — Когда это разумно.

— А когда неразумно?

— Тогда я делаю по-своему.

Она усмехнулась.

— Мы с вами поладим, капитан Торн. Или перегрызём друг другу глотки. Третьего не дано.

— Я предпочёл бы первый вариант.

— Посмотрим, — сказала она и встала. — Когда выходим?

— Завтра на рассвете. Я жду вас на «Морском Ястребе». Не опаздывайте.

— Я никогда не опаздываю. — Она подошла к карте, свернула свою половину, убрала в мешочек, спрятала за пазуху. — И ещё, капитан Торн.

— Да?

Она обернулась у двери. В её глазах снова мелькнула та лёгкая, едва уловимая насмешка.

— Если вы попытаетесь меня обмануть, я найду способ вам отомстить. И поверьте — я умею это делать.

— Если вы попытаетесь меня обмануть, — сказал Твёрд, — я просто оставлю вас на острове. Один.

Она усмехнулась. На этот раз усмешка чуть коснулась глаз — и в них на миг блеснуло что-то живое, почти тёплое.

— Не оставите.

— Почему вы так уверены?

— Потому что вы, капитан, слишком честный для такого гнилого места, как Порт-Ройял. И потому что без меня вы не выйдете из бухты. — Она толкнула дверь. — До завтра.

Она вышла, и её шаги застучали по палубе — быстрые, уверенные, как у человека, который привык, чтобы его слушались.

Твёрд остался один. Он подошёл к столу, развернул свою половину карты, посмотрел на линии, которые теперь знал наизусть.

— Упрямая, — сказал он тихо, но в голосе его не было злости. Скорее — признание. — Но толковая. И язык острый. Посмотрим, что будет в море.

Он сунул карту за пазуху и вышел на палубу, чтобы готовить корабль к выходу.

Корабли с запахом пороха

День после встречи тянулся медленно, как патока в холодную погоду. Твёрд вернулся на «Морской Ястреб», когда солнце уже поднялось высоко и раскалило палубу так, что босые ноги матросов оставляли на досках влажные следы. Команда ждала его. Гуннар стоял у фальшборта с таким видом, будто пытался сделать из своего лица каменную маску, но глаза выдавали нетерпение.

— Ну? — спросил он, когда Торн перешагнул через борт.

— Карта есть, — сказал Твёрд. — Выходим завтра на рассвете. И везите с собой побольше терпения — капитан Хок будет с нами.

Гуннар нахмурился. Он не любил, когда кто-то другой командовал на его палубе, даже если этот кто-то был опытным капитаном. Особенно если этим капитаном была женщина. Гуннар был исландцем старой закалки и считал, что место женщины — дома, у очага, а не на корабле, где пахнет смолой и потом.

— Она женщина, — сказал он негромко, чтобы команда не слышала.

— Она капитан, — ответил Твёрд. — И у неё есть половина карты, без которой мы никуда не дойдём.

— Я слышал, она та ещё... — Гуннар подбирал слово. — Характерная.

— Это её дело. Наше дело — найти золото и выкупить наших. Всё остальное меня не касается.

— А если она будет командовать?

Торн посмотрел на своего помощника. Гуннар был хорошим моряком и верным человеком, но иногда его упрямство могло соперничать с упрямством самого Твёрда.

— На моём корабле командуют только двое, — сказал Торн. — Я и шторм. Если она попытается командовать — я с ней поговорю. А ты делай своё дело и не лезь в переговоры.

Гуннар хотел сказать что-то ещё, но передумал. Он знал своего капитана: если Твёрд принял решение, спорить бесполезно. Можно было только подчиняться и надеяться, что он не ошибся.

— Готовить корабль к выходу? — спросил Гуннар.

— Готовить.

И команда зашевелилась. Матросы разбежались по своим местам: кто проверял такелаж, кто осматривал паруса, кто чистил пушки. Твёрд прошёл в каюту, сел за стол, разложил перед собой карту. Половину карты. Вторую половину он знал теперь наизусть — каждую линию,

каждый символ, каждый изгиб береговой линии. Но одно дело — знать карту, и совсем другое — плыть по ней.

Он достал из ящика старый навигационный журнал, который вёл ещё Эрик Стурлусон. Норвежец был аккуратен: каждая страница исписана мелким, убористым почерком, с пометками на полях, с расчётами ветров и течений. Торн перелистывал страницы, ища записи об острове. Эрик писал о нём мало — словно боялся, что слишком много слов может привлечь внимание моря или самого острова.

«Остров лежит в двадцати лигах к северо-востоку от Ямайки, но ни одна карта не показывает его правильно, — писал Эрик. — Вход в бухту — между двумя рифами, которые местные называют Зубы Дракона. Пройти можно только в полный прилив и только при восточном ветре. Ветер должен быть свежим, но не крепким. Если ветер крепкий — рифы не видны за бурунами. Если ветер слабый — течение снесёт корабль на камни. Я проходил этот пролив трижды. Все три раза — с Морганом. Он никогда не смотрел на карту, когда входил в бухту. Он смотрел на воду и говорил: „Остров сам решает, кого впускать, а кого нет“. Я не знаю, что это значит. Но я знаю, что в третий раз остров не пустил нас. Мы развернулись и ушли, потому что Морган сказал: „Сегодня здесь кто-то умрёт. И это буду не я“. Я не спрашивал, кого он имел в виду. С Морганом не задавали вопросов».

Твёрд закрыл дневник. За бортом кричали чайки, где-то на берегу кто-то затянул песню — пьяную, сбивчивую, про любовь и море. Он встал, подошёл к иллюминатору, посмотрел на город. Порт-Ройял жил своей обычной жизнью: грузчики таскали тюки, торговцы торговались, матросы спускали деньги в тавернах. Никто не знал, что завтра отсюда уйдёт корабль, который, возможно, найдёт сокровище Моргана Чёрного Клинка. А может быть, не найдёт. Может быть, уйдёт и не вернётся, как многие корабли до него.

Твёрд не любил думать о том, что можно не вернуться. В Исландии он научился другому: если ты вышел в море — ты уже согласился на то, что можешь не вернуться. Страх не меняет погоды и не успокаивает шторм. Страх только мешает грести.

Он лёг на койку, закрыл глаза, но сон не шёл. Перед глазами стояли зелёные глаза капитана Хок. Не потому, что они были красивы — хотя они были красивы, Твёрд не стал бы этого отрицать. А потому, что в них было что-то, чего он не мог понять. Она была живой, быстрой, острой — как сабля, которую только что вытащили из ножен. И спорить с ней было так же интересно, как идти на абордаж с хорошо вооружённым кораблём.

«Упрямая, — подумал он. — Как я. Это будет или хорошее сотрудничество, или хорошая драка».

С этой мыслью он и заснул.

Искра не спала. Она стояла на корме своей «Южной Звезды» и смотрела на воду. Вода в гавани была чёрной, маслянистой, отражала звёзды и огни берега. Её шхуна покачивалась на лёгкой волне, и этот ритмичный скрип был единственным звуком, который она сейчас хотела слышать.

— Капитан, — раздался голос сзади. Рик, тот самый матрос, которого она пнула утром, стоял у грот-мачты, переминаясь с ноги на ногу. — Вы велели доложить, когда всё будет готово.

— Готово?

— Всё проверили. Такелаж в порядке, паруса чистые, пушки заряжены. Провизии взяли на две недели, воды — на три.

— Хорошо. — Она не обернулась. — Свободен.

— Капитан, — Рик не уходил. — А правда, что мы идём к острову Моргана? И что этот исландец...

— А правда, что я велела тебе идти спать? — Искра повернулась. — Рик, я ценю твоё любопытство, но сейчас не время для вопросов. Завтра мы выходим. Ты будешь нужен свежим и выпавшимся. Всё, что нужно знать, ты узнаешь на месте. Иди.

Рик кивнул и исчез в трюме. Искра осталась одна. Она оперлась руками на фальшборт, сжала пальцы так, что побелели костяшки.

Она не любила, когда о её делах говорят в порту. Слухи — это как круги на воде: сначала они маленькие, потом расходятся, и вот уже весь Порт-Ройял знает, что у тебя в трюме, в кармане, в голове. А в Порт-Ройяле знание — это оружие. И не всегда оно направлено на того, на кого нужно.

Искра научилась этому за восемь лет в море. Не доверять. Не раскрывать карты раньше времени. Не показывать, что у тебя есть то, что могут захотеть отнять. Она научилась улыбаться, когда хочется ударить, и молчать, когда хочется кричать. Она научилась быть быстрее, острее, сильнее, чем те, кто хотел её обойти. И она научилась смотреть на мир так, чтобы мир не видел её.

Но сегодня, когда исландский капитан стоял у её трапа, она вдруг почувствовала, что мир видит её. И это было странное чувство. Не страшное. Не приятное. Просто — непривычное.

«Твёрд Торн», — повторила она про себя его имя. Твёрдое, короткое, как удар топора по дереву. Она не знала, что о нём думать. Он не был похож на тех капитанов, которых она встречала. В нём не было хвастовства, не было желания показать себя. Он говорил прямо, без обиняков, не тратил слов на пустое. Он смотрел прямо, не отводил взгляд, но и не сверлил её глазами, как делали многие мужчины, когда видели женщину-капитана. Он просто смотрел. И спорил. На равных.

И ещё — он умел уступать. Когда это было разумно. Это было неожиданно. И почему-то это ей нравилось.

«Упрямый исландец, — подумала она. — Посмотрим, как он поведёт себя в море».

Она ещё раз взглянула на тёмную воду, на звёзды, на огни Порт-Ройяла, потом повернулась и пошла в каюту. Завтра нужно было быть свежей и готовой ко всему.

Рассвет пришёл с востока, как и всегда, но Торн показалось, что сегодня солнце вставало медленнее обычного. Он стоял на палубе «Морского Ястреба» и смотрел, как небо над Ямай-

кой светлеет из тёмно-синего в розовое, потом в золотистое. Вода в гавани была спокойной, почти зеркальной. Хороший знак для начала пути, хотя Твёрд знал, что погода в открытом море может перемениться в любой момент.

Команда была на местах. Гуннар проверял штурвал, Торфинн и Стурла настраивали паруса, остальные ждали у своих постов. Восемь человек, не считая самого Торна. Мало для дальнего плавания, но достаточно, если знать, что делаешь. «Морской Ястреб» был небольшим судном, и большая команда ему была не нужна.

— Капитан, — сказал Гуннар, подходя ближе. — Она идёт.

Твёрд поднял голову. По пирсу шла Искра Хок. Сегодня на ней был тот же камзол, те же сапоги, та же шляпа с пером. Но Торн заметил, что она идёт иначе, чем вчера. Не быстрее и не медленнее, но как-то... собраннее. Как будто она готовилась к бою.

За ней шли трое матросов: Леви, здоровенный негр с нашивками боцмана и худой мулат с лицом, покрытым оспинами. Они несли мешки с припасами.

— Это моя команда, — сказала она, поднимаясь на борт. — Рик, Кайо, Хуан. С ними я хожу три года.

Твёрд окинул их взглядом.

— Всего трое?

— Трое, — подтвердила Искра. — Но они стоят десяти. Рик быстрее ветра, Кайо сильнее быка, а Хуан видит в темноте лучше кошки. И все трое умеют стрелять.

— У нас своих стрелков хватает, — заметил Гуннар.

— Я не сомневаюсь, — сказала Искра, не глядя на него. — Но лишние стволы никогда не помешают.

Гуннар хотел ответить, но Твёрд его опередил:

— Добро пожаловать на борт. Места всем хватит. Гуннар, покажи людям, где разместиться.

Гуннар недовольно поджал губы, но кивнул и повёл команду Искры в трюм.

Искра подошла к фальшборту, оглядела палубу.

— Хороший корабль, — сказала она. — Ухоженный. Я ожидала худшего.

— Разочарованы? — спросил Твёрд.

— Пока нет. Посмотрим, как он поведёт себя в шторм.

— Он поведёт себя отлично. А вот как вы поведёте себя в шторм — это вопрос.

Она усмехнулась.

— Я не боюсь штормов, капитан Торн. Я боюсь только дураков за штурвалом.

— Тогда вам не о чем беспокоиться, — сказал Твёрд. — Штурвал в надёжных руках.

— Посмотрим.

— Отдать швартовы! — скомандовал Торн.

Матросы забежали по палубе, отвязывая канаты. Гуннар занял место на баке, следя, чтобы судно не ударились о соседние корабли. Торфинн и Стурла подняли паруса.

«Морской Ястреб» медленно, как живое существо, отошёл от пирса. Твёрд взял штурвал, чувствуя привычное удовольствие от того, как корабль слушается его рук.

— Курс? — спросил он у Искры.

— Северо-восток, — ответила она, вставая рядом. — Как выйдем из пролива — берите чуть левее. Там течение сильное, отнесёт нас на пол-лиги к западу, если не принять в расчёт.

— Я знаю это течение, — сказал Твёрд. — Проходил здесь два года назад. Оно идёт на юг, а не на запад.

— Два года назад шло на юг, — поправила Искра. — Сейчас оно сместилось. Берега размыло после урагана, и течение изменилось. Я была здесь месяц назад. Вы?

Тверд посмотрел на неё, потом на воду.

— Месяц назад я был у Багам.

— Значит, я знаю лучше. — Она усмехнулась. — Берите левее, капитан. Или хотите проверить на своей шкуре?

— Проверим, — сказал Твёрд. Он не повернул штурвал, оставив курс прежним. — Если течение не изменилось — мы пройдем чисто. Если изменилось — я поверну, когда увижу.

— Упрямый, — сказала Искра, но в голосе её не было злости.

— Исландец.

— Вы уже говорили.

— И повторю, если потребуется.

Они шли прямо. Вода вокруг была спокойной, небо — чистым. Тверд смотрел на горизонт, на воду, на лёгкую рябь, которая появлялась там, где, по его расчётам, должно было быть течение.

— Видите? — сказал он через несколько минут. — Никакого смещения.

— Подождите, — ответила Искра. — Оно начинается дальше. Вон там, где вода темнеет.

Твёрд присмотрелся. Действительно, в полумиле впереди вода меняла цвет — с бирюзового на тёмно-синий. Это могло означать течение. Или глубину. Или просто тень от облака.

— Сейчас увидим, — сказал он, не меняя курса.

Когда «Морской Ястреб» вошёл в зону тёмной воды, корабль слегка качнуло. Штурвал дёрнулся в руках Торна. Он почувствовал, как течение подхватило судно и потащило влево — к западу.

— Лево на румб, — сказала Искра спокойно.

Торн повернул штурвал, компенсируя снос.

— Принял, — сказал он. — Вы были правы.

— Я всегда права, — ответила Искра. — Вы просто не сразу это признаёте.

— Я признаю, когда вижу доказательства.

— А если доказательств нет?

— Тогда я полагаюсь на свой опыт.

— И на чей опыт вы положитесь, когда ваш опыт кончится?

Твёрд посмотрел на неё.

— На чужой, — сказал он. — Если он окажется лучше.

Искра усмехнулась.

— Компромисс? От исландца? Вы меня балуете, капитан Торн.

— Не привыкайте.

Она отошла от штурвала, но не ушла с палубы. Стояла у фальшборта, смотрела на воду, на горизонт, на чайки, которые кружили над мачтами. Твёрд краем глаза следил за ней. Она была спокойна, но в этой спокойствии чувствовалась настороженность — как у хищника, который не знает, ждать ли ему добычи или опасности.

— Вы всегда такая напряжённая? — спросил он.

— Я всегда настороже, — ответила она. — В море расслабляются только те, кто хочет утонуть.

— Или те, кто доверяет своему капитану.

Она посмотрела на него.

— А я должна доверять вам?

— Вы на моём корабле. Вы сами выбрали.

— Я выбрала потому, что у меня не было выбора.

— Выбор всегда есть, — сказал Твёрд. — Вы могли остаться в Порт-Ройяле и искать другого дурака с английской картой.

— Другого дурака не нашлось.

— Значит, я — ваш единственный шанс.

— Вы — моя единственная карта, — поправила она. — Шанс мы ещё посмотрим.

Торн усмехнулся.

— Вы тоже не любите уступать.

— А зачем уступать, если можно договориться?

— Мы уже договорились.

— О деньгах, — сказала она. — Обо всём остальном мы ещё не договорились.

— А что — остальное?

Она повернулась к нему, и в её глазах снова мелькнула та насмешка, которая начинала ему нравиться.

— Кто командует на корабле. Кто принимает решения. Кто идёт первым, если в пещере окажется ловушка. — Она перечислила это так, будто речь шла о пустяках. — Много чего, капитан Торн.

— На моём корабле командую я, — сказал Твёрд. — Это не обсуждается.

— А на острове?

— На острове — вы. Я обещал.

— Обещали, — подтвердила она. — Но я хочу убедиться, что вы держите слово.

— Я держу слово.

— Посмотрим.

Она отошла к бушприту, встала так, что её чёрные волосы развевались на ветру. Тверд смотрел на неё и думал о том, что эта женщина — как море: красивая, живая, и никогда не знаешь, что она сделает в следующую минуту.

К вечеру ветер начал стихать. Паруса обвисли, и «Морской Ястреб» едва двигался. Искра подошла к Твёрду, который стоял у штурвала.

— Штиль, — сказала она. — Будем дрейфовать до утра.

— Я знаю.

— Вы всегда так немногословны?

— Когда есть что сказать — говорю. А когда всё ясно — зачем тратить слова?

— Чтобы не забыть, как это делается, — парировала она. — Молчаливые капитаны обычно либо очень умны, либо очень глупы. И те, и другие не любят объяснять свои решения.

— А вы любите объяснять?

— Я люблю, чтобы меня понимали. — Она прислонилась к фальшборту. — Иначе зачем мы вообще разговариваем?

Твёрд усмехнулся.

— Вы правы. — Он перехватил штурвал поудобнее. — Что вы думаете о завтрашнем дне?

— В смысле?

— Остров. Мы будем там послезавтра, если ветер не переменится. Что вы ожидаете найти?

Искра помолчала.

— Золото, — сказала она. — Много золота. Достаточно, чтобы я могла купить себе землю где-нибудь, где нет ни испанцев, ни английских губернаторов, ни плантаторов, которые хотят жениться на мне против моей воли.

— Значит, вы бежите не от бедности, а от людей?

— Я бегу от тех, кто хочет мной владеть, — сказала она. — Золото даёт свободу. Свобода — это когда никто не может сказать тебе, что делать.

Тверд посмотрел на неё.

— А я бегу к своим людям, — сказал он. — Не от кого-то, а к тем, кто мне нужен.

— И поэтому вы готовы рискнуть жизнью?

— Я готов рискнуть, чтобы они не умерли.

Она смотрела на него долго. В её глазах — не насмешка, не холод, а что-то другое. Что-то, чего Твёрд не мог назвать.

— Вы хороший капитан, — сказала она наконец. — Я таких не встречала.

— А вы хороший капитан, — ответил он. — Я таких вообще не встречал.

Она усмехнулась.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Они стояли у штурвала, глядя на тёмное море. Ветер совсем стих, паруса обвисли, и «Морской Ястреб» покачивался на лёгкой волне, как ребёнок в колыбели.

— Спать идите, — сказала Искра. — Я постою на вахте.

— Я не сплю.

— А я не спрашиваю. — Она подошла к штурвалу. — Вы вели корабль весь день. Теперь моя очередь. Идите. И постарайтесь не храпеть — мои люди и так жалуются.

— Я не храплю, — сказал Твёрд, но отошёл от штурвала.

— Храпите, — сказала она ему в спину. — Как китобойное судно в шторм.

Тверд обернулся. В темноте он не видел её лица, но слышал улыбку в голосе.

— Вы его слышали? — спросил он.

— Весь Порт-Ройял слышал.

Он усмехнулся, покачал головой и пошёл в каюту.

Ночью ему снилась Исландия. Снился дом, в котором он вырос, — маленький, сложенный из серого камня, с торфяной крышей. Снился отец, который чинит сеть у очага, и мать, которая ставит на стол миску с рыбой. Снился холодный ветер, который гуляет по фьорду, и снег, который падает на чёрную воду.

А потом всё это исчезло, и осталось только море. Тёмное, глубокое, бездонное. И в этом море — зелёные глаза, которые смотрят на него с любопытством и вызовом.

Он проснулся, когда за бортом уже светало. В каюте было тихо, только вода плескалась о борта. Твёрд сел на койке, провёл рукой по лицу.

«Что со мной?» — подумал он. — «Я здесь ради своих людей. Ради золота. А не ради того, чтобы думать о зелёных глазах».

Но мысли не слушались.

ШТОРМ, КОТОРЫЙ РЕШАЕТ ВСЁ

Утро второго дня встретило их низкими облаками и свежим ветром с запада. Твёрд вышел на палубу и сразу понял: погода меняется. Небо на западе темнело, облака клубились, и воздух стал тяжёлым, как перед грозой в Исландии, когда море начинает пахнуть железом.

— Шторм будет, — сказал он Гуннару, который стоял у бизани.

— Вижу.

Искра уже была на палубе. Она стояла у фальшборта, вглядываясь в горизонт, и её лицо было напряжённым.

— Шторм, — сказала она, оборачиваясь. — Сильный. Идёт прямо на нас.

— Мы можем обойти? — спросил Твёрд.

— Можем попробовать уйти к югу, но там рифы. — Она показала рукой. — Вот здесь, милях в пяти. Если мы возьмём курс на юго-восток, может, проскочим между штормом и рифами.

— А если не проскочим?

— Если не проскочим — нас либо разобьёт о камни, либо утопит шторм. Выбирайте.

Твёрд подошёл к карте, которую они разложили на бочке. Искра стояла рядом, указывая пальцем на линии.

— Вот здесь рифы, — сказала она. — Вот здесь шторм. А вот здесь — узкий проход. Если мы успеем...

— Мы успеем, — сказал Твёрд. Он поднял голову. — Гуннар, поставь косые паруса! Торфинн, Стурла — убрать прямые! Живо!

Матросы забежали по палубе. Искра подошла к штурвалу, положила руку на спицы.

— Я поведу, — сказала она.

— Нет. — Торн встал рядом. — Я капитан этого корабля.

— А я знаю эти воды. Вы хотите спорить сейчас, когда шторм уже в двух милях?

— Я не спорю. Я принимаю решение.

— Тогда принимайте правильное! — Её голос стал резче. — Твёрд, я понимаю, что вы капитан, и я уважаю это. Но сейчас речь идёт не о вашем самолюбии, а о нашем корабле. Я знаю этот проход. Я проходила его трижды. Вы — ни разу. Дайте мне штурвал.

Твёрд смотрел на неё. Ветер уже начинал рвать паруса, волны поднимались, и «Морской Ястреб» начало бросать. Каждая секунда промедления могла стоить им корабля.

— Вместе, — сказал он. — Я — штурвал, вы — мои глаза. Говорите, куда поворачивать. Я делаю.

— Идёт, — сказала она. — Лево на два румба!

Тверд повернул штурвал. Корабль послушно изменил курс.

— Право на румб!

— Есть.

— Прямо! Держите!

Волны становились выше. Ветер выл в такелаже, как живое существо. Твёрд чувствовал, как «Морской Ястреб» дрожит под ударами воды, как стонут доски, как матросы, сгрудившись на баке, следят за каждым его движением.

— Рифы! — крикнул кто-то с бака.

Тверд увидел их — белые буруны впереди, в каких-то двух кабельтовых.

— Лево! — крикнула Искра. — Лево, говорю!

— Там скалы! — крикнул в ответ Торн, не поворачивая.

— Там проход! Делай, что говорю!

Он повернул штурвал. Корабль резко изменил курс, и в тот же миг огромная волна подхватила его, понесла вперёд, между двумя грядами рифов, которые, казалось, смыкались над ними.

Твёрд затаил дыхание. Искра стояла рядом, её руки лежали на штурвале поверх его рук, её голос звучал спокойно и чётко:

— Право. Ещё право. Теперь прямо. Держите.

Корабль проскочил между рифами в тот самый миг, когда следующая волна сзади подтолкнула его. Они вышли в открытую воду, и шторм остался за кормой — всё ещё бушевал, но уже не настигал.

— Можем идти к бухте? — спросил Торн.

— Можем. — Искра перевела дыхание. — Она в двух милях к северу. Там мы переждём.

Тверд кивнул и повёл корабль к берегу.

Бухта была маленькой, окружённой высокими скалами, которые защищали от ветра. «Морской Ястреб» вошёл в неё, когда шторм уже начал стихать. Твёрд отдал команду бросить якорь, и корабль замер в нескольких саженях от берега.

Он выдохнул. Только сейчас он почувствовал, как напряжены его руки, как болит спина, как колотится сердце.

— Хорошая работа, — сказала Искра. Она стояла рядом, и её лицо было мокрым от солёных брызг. — Вы слушаете, когда нужно.

— Я не дурак.

— Я это уже поняла.

Она улыбнулась. На этот раз улыбка коснулась глаз, и Торн увидел в них что-то, чего не видел раньше. Не расчёт, не холод, не насмешку. А просто — жизнь. Живая, искрящаяся, как солнечный зайчик на воде.

— Вы тоже хорошо ведёте, — сказал он. — Для человека, который не держал штурвал моего корабля.

— Я держу любой штурвал, — ответила она. — И любой корабль. И любой капитан, который не слушается, может пойти ко дну вместе со своим кораблём.

— Это угроза?

— Это предупреждение. — Она усмехнулась. — В следующий раз, когда я скажу «поворачивай», поворачивайте сразу. Без споров.

— В следующий раз, когда вы скажете «поворачивай», я сначала посмотрю, куда вы хотите меня направить, — ответил Твёрд. — А потом поверну.

— Недоверчивый.

— Осторожный.

Она смотрела на него, и в её глазах плясали искорки.

— Ладно, — сказала она. — Будем считать, что мы прошли первое испытание.

— А сколько их будет?

— Столько, сколько потребуется, — сказала она и пошла к корме, где её команда уже разбирала припасы.

Торн остался у штурвала. Шторм за скалами стихал, ветер утихал, и в бухте становилось тихо. Он смотрел на Искру, которая что-то говорила своим матросам, жестикулируя и смеясь, и думал о том, что эта женщина — как море. Непредсказуемая, опасная, но такая живая, что забываешь об опасности.

— Капитан, — раздался голос Гуннара. — Всё в порядке?

— Всё в порядке, Гуннар. — Тверд повернулся к нему. — Отдыхайте. Завтра рано вставать.

— А вы?

— А я постою.

Гуннар посмотрел на Искру, потом на Тверда, и на его лице появилось выражение, которое Тверд не мог разобрать.

— Капитан, — сказал Гуннар негромко. — Она... опасная.

— Я знаю.

— Нет, я не о том. — Гуннар понизил голос. — Я о том, что вы на неё смотрите.

Тверд замер.

— Что?

— Вы на неё смотрите, — повторил Гуннар. — Не как на капитана. Как на женщину.

Твёрд хотел возразить, но слова застряли в горле.

— Не лезь не в своё дело, Гуннар, — сказал он наконец.

— Я не лезу. — Гуннар покачал головой. — Я просто говорю. Она не из тех, кто будет ждать на берегу. И она не из тех, кого можно удержать.

— Я и не собираюсь её удерживать, — сказал Торн. — У нас сделка. Золото пополам. И всё.

— Если вы так говорите, — Гуннар пожал плечами и пошёл к своей койке.

Твёрд остался один. Он смотрел на тёмную воду бухты, на скалы, на небо, которое начало светлеть. И думал о том, что Гуннар, возможно, прав. Но думать об этом сейчас было некогда. Завтра они идут к острову. Завтра всё решится.

Он услышал шаги за спиной. Искра подошла к нему, встала рядом.

— Не спите? — спросила она.

— Не сплю.

— Я тоже.

Они стояли молча, глядя на воду. В бухте было тихо, только волны плескались о скалы.

— Твёрд, — сказала она вдруг.

— Да?

— Вы боитесь?

— Чего?

— Острова. Проклятия. Того, что мы не вернёмся.

Твёрд подумал.

— Боюсь, — сказал он. — Не за себя. За своих людей. За тех, кто ждёт.

Она посмотрела на него.

— А я боюсь, что на острове ничего не окажется, — сказала она. — Что всё это — легенды. И что я зря потратила годы.

— Не зря, — сказал Торн.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы здесь. Потому что мы идём. Потому что карта светилась, когда мы сложили её вместе. — Он повернулся к ней. — Что-то там есть. Я чувствую.

Она смотрела на него долго. Потом улыбнулась — той улыбкой, которая касалась глаз.

— Вы странный, капитан Торн.

— Почему?

— Потому что говорите о чувствах, а не о фактах. Потому что ведёте корабль через рифы, хотя могли бы оставить это мне. Потому что смотрите на меня так, будто я — карта, которую вы пытаетесь прочитать.

Твёрд не ответил. Он смотрел на неё, и в его голове крутились слова, которые он не решался сказать.

— Идите спать, капитан Хок, — сказал он наконец. — Завтра рано вставать.

— Вы всегда так уходите от ответа? — спросила она.

— Когда нет ответа — ухожу.

Она усмехнулась.

— Ладно. — Она повернулась, чтобы идти, но на полпути остановилась. — Твёрд.

— Да?

— Вы хороший капитан. — Она сказала это тихо, почти шёпотом. — И, кажется, хороший человек. Это редкость в нашем деле.

— Вы тоже, — сказал он.

Она улыбнулась и ушла в каюту.

Торн остался у штурвала, глядя на тёмную воду, на скалы, на небо, которое начинало светлеть. И думал о том, что завтра они увидят остров. И что, возможно, после завтрашнего дня всё изменится.

Он не знал, как именно. Но чувствовал, что изменится.

Остров, который ждет

Бухта встретила их тишиной.

«Морской Ястреб» вошел в узкий проход между скалами ровно в полдень, когда солнце стояло в зените и вода была прозрачной, как стекло. Твёрд стоял у штурвала, Искра — рядом на баке, и ее голос звучал спокойно и четко, без тени того напряжения, которое она испытывала во время шторма.

— Лево на полрумба. Теперь прямо. Видите вон тот камень, похожий на нос корабля? Держите на него.

Твёрд видел. Камень выступал из воды на полтора фута, обросший ракушками и водорослями, но форма его действительно напоминала нос старого галеона — острый, хищный, устремленный вперед.

— Откуда вы знаете этот проход? — спросил он, не отводя взгляда от воды.

— Ходила здесь три года назад. Искала карту. Думала, что остров находится севернее.

— И нашли?

— Нашла только рифы и старую шхуну, которая разбилась здесь лет двадцать назад. Команда погибла. Все до одного. — Она помолчала. — Я тогда подумала, что это знак. Что остров не хочет, чтобы его находили. Но потом решила, что просто плохо искала.

— Вы не суеверны, — заметил Торн.

— Я верю в то, что вижу. А что я видела? Шхуна налетела на рифы в шторм. Просто навигационная ошибка. Никакого проклятия.

— А карта, которая светится?

Искра повернулась к нему. Солнце светило ей в лицо, и ее глаза казались прозрачными, как вода в бухте.

— Я не знаю, что это было, — сказала она честно. — Но я видела много странного в море. Вещи, которые нельзя объяснить. Может быть, есть что-то, что мы не понимаем. Может быть, Морган действительно наложил проклятие. А может быть, это просто старый пергамент, пропитанный какой-то светящейся краской. Я не знаю. Но я не хочу проверять на себе, что из этого правда.

— Поэтому вы не пошли одна?

— Поэтому я искала вторую половину карты восемь лет, — поправила она. — Я могла пойти одна. У меня была своя половина, я могла попытаться найти остров без второй. Но я не пошла. Потому что если проклятие существует — я не хочу умирать в одиночестве.

Твёрд посмотрел на нее.

— Вы верите в проклятие, — сказал он. — Просто не хотите в этом признаваться.

— Я не хочу в это верить, — ответила она. — Это разные вещи.

Они замолчали. «Морской Ястреб» медленно двигался по узкому проливу, и скалы нависали над ними, как стены древнего собора. Вода была спокойной, почти неподвижной, и в ней отражались облака и вершины деревьев, которые росли на скалах. Тишина стояла такая, что Твёрд слышал, как скрипят доски его корабля, как плещется вода за кормой, как бьется его собственное сердце.

— Капитан, — раздался голос Гуннара. Он поднялся на корму, держа в руках свернутую карту. — Мы вошли в пролив. Что дальше?

— Дальше — бухта, — ответила Искра, не оборачиваясь. — Вон там, за поворотом. В ней мы и встанем на якорь.

Гуннар посмотрел на Твёрда. Тот кивнул.

— Готовь шлюпку, — сказал Торн. — Мы с капитаном Хок идем на берег вдвоем.

Гуннар нахмурился. Его лицо, и без того изрезанное шрамами, стало жестче.

— Вдвоем? Капитан, это неразумно. Я должен идти с вами.

— Нет, — твердо сказал Твёрд. — Ты остаешься на корабле.

— Но если там ловушки, если проклятие...

— Если там ловушки, — перебил Торн, — двоих достаточно, чтобы их обойти. Если проклятие существует, оно требует, чтобы на остров шли двое. Равных и честных друг с другом. Ты здесь ни при чем, Гуннар. Это мое дело.

Гуннар сжал губы. Твёрд знал этот взгляд — упрямый, тяжелый, как базальтовая скала. Гуннар не любил, когда его отстраняли. Но он был дисциплинированным моряком и знал: если капитан сказал — значит, так надо.

— Сколько вас ждать? — спросил он.

— Два дня, — ответил Твёрд. — Если мы не вернемся через два дня — уходите. Возвращайтесь в Порт-Ройял и собирайте выкуп как-нибудь еще.

— Через два дня? — Гуннар покачал головой. — Капитан, если вы не вернетесь через два дня, мы пойдем вас искать.

— Нет. — Торн положил руку ему на плечо. — Обещай мне, Гуннар. Обещай, что не пойдешь. Если мы не вернемся — значит, проклятие сработало. Или ловушки. Или еще что-то. Но вы не должны рисковать. У тебя жена в Исландии. Дети. Ты им нужен.

Гуннар молчал. Его глаза блестели — не от слез, от ярости. Ярости на то, что он не может пойти с капитаном, не может защитить его, не может ничего сделать, кроме как ждать.

— Обещаю, — сказал он наконец.

— Хорошо. — Твёрд хлопнул его по плечу и улыбнулся — той редкой улыбкой, которую Гуннар видел только в самые тяжелые моменты. — Не волнуйся. Мы вернемся. С золотом.

Гуннар не ответил. Он развернулся и пошел готовить шлюпку, и его спина была прямой, как мачта, но в каждом шаге чувствовалась тяжесть.

Искра наблюдала за этим разговором молча. Когда Гуннар ушел, она повернулась к Твёрду.

— Он хороший человек, — сказала она. — Ваш помощник.

— Лучший, — ответил капитан. — Я знаю его двадцать лет. Мы вместе начинали в Исландии, на тресковом промысле. Он вытащил меня из ледяной воды, когда я провалился под лед. Я спас его от акулы у берегов Ньюфаундленда. Мы друг за друга горло перегрызем.

— Поэтому вы не взяли его с собой?

— Поэтому. Если проклятие существует — я не хочу, чтобы оно коснулось его. Он заслужил спокойную старость. На берегу. С женой и детьми.

— А вы? — спросила Искра. — Вы заслужили спокойную старость?

Мужчина усмехнулся.

— Я еще не старый.

— Это не ответ.

— А вы не задали вопроса, на который можно ответить просто.

Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнуло что-то — не насмешка, не вызов, а любопытство. Живое, острое, как лезвие ножа.

— Ладно, — сказала она. — Пойдем. Пока ваш помощник не передумал и не прыгнул в шлюпку без спроса.

Шлюпка мягко ткнулась в песок. Твёрд выпрыгнул первым, подхватил ее за нос, вытащил на берег. Вода была теплой, почти горячей, и песок — белым, как мука. Искра спрыгнула следом, легко, без помощи, и мужчина заметил, как она оглядывается по сторонам — быстро, внимательно, как человек, который привык оценивать обстановку в два счета.

— Красиво, — сказал он.

— Слишком красиво, — ответила она. — Такие места обычно самые опасные.

— Почему?

— Потому что природа манит тебя, усыпляет бдительность, а потом — раз — и ты в ловушке.

— Вы всегда видите опасность в красоте?

— Я всегда вижу опасность там, где ее можно ожидать. А в необитаемых бухтах с идеальными пляжами — можно.

Капитан не стал спорить. Он вытащил из шлюпки мешок с припасами — водой, сухарями, вяленным мясом — и перекинул через плечо.

— Карта с вами? — спросил он.

— Со мной. — Искра достала из-за пазухи кожаный мешочек. — И ваша половина?

— Здесь. — Он похлопал по поясу, где под рубахой был спрятан такой же мешочек.

— Тогда идем.

Она двинулась к пальмам, и Твёрд пошел следом, чувствуя, как песок сыплется в сапоги, как солнце печет затылок, как влажный воздух джунглей уже начинает давить на грудь.

Тропа начиналась сразу за линией деревьев. Она была едва заметна — узкая, заросшая, но все же различимая: трава примята, ветки сломаны, на стволах — странные отметины, похожие на знаки.

— Это Морган сделал? — спросил Торн, рассматривая один из знаков — круг с точкой внутри.

— Или его люди, — ответила Искра. — Они прокладывали эту тропу сто лет назад. С тех пор здесь никто не ходил.

— Откуда вы знаете?

— Если бы ходили, тропа была бы шире. Или вообще заросла. А она — вот, держится. Значит, ее никто не топтал.

— Или топтали, но очень осторожно, — заметил Твёрд.

Искра посмотрела на него.

— Вы всегда ищете второй смысл?

— В таких местах — всегда.

Она усмехнулась — коротко, но тепло.

— Это хорошее качество. Для капитана.

— А для чего еще?

— Не знаю, — сказала она, и в ее голосе прозвучало что-то, чего Торн не смог разобрать.
— Может быть, для всего остального тоже.

Она повернулась и пошла вперед, оставив его на секунду одного. Тверд смотрел на ее спину, на черный камзол, на волосы, выбившиеся из-под шляпы, и думал о том, что она сказала. И о том, что она не сказала.

Лес встретил их влажным, тяжелым воздухом, который пах так, будто кто-то смешал в одной бочке гниющие листья, цветы, перезрелые плоды и еще что-то неуловимое, что могло быть либо смертью, либо жизнью — или и тем, и другим одновременно. Капитан чувствовал, как пот стекает по спине, как рубаха прилипает к телу, как каждый шаг дается тяжелее, чем предыдущий.

Искра шла впереди, на два шага впереди него, и он видел, как ее плечи напряжены, как она всматривается в каждую ветку, в каждый камень на тропе. Она держалась уверенно, но он заметил, что она то и дело оглядывается на него — не для того, чтобы проверить, идет ли он следом, а для того, чтобы убедиться, что он в порядке.

— Вы устали? — спросил он, когда они прошли первую сотню шагов.

— Я не устаю, — ответила она. — Я просто проверяю, не отстали ли вы.

— Я не отстаю.

— Я вижу.

Она ускорила шаг. Мужчина пошел быстрее, чувствуя, как напрягаются мышцы ног, как тяжелеет дыхание. Он привык к морю, к качке, к ветру — но не к этой духоте, не к этой влажности, которая проникала в легкие и делала каждый вдох тяжелым, как глоток густого сиропа.

— Капитан Торн, — сказала Искра, не оборачиваясь. — Вы когда-нибудь бывали в джунглях?

— Нет.

— Это заметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.